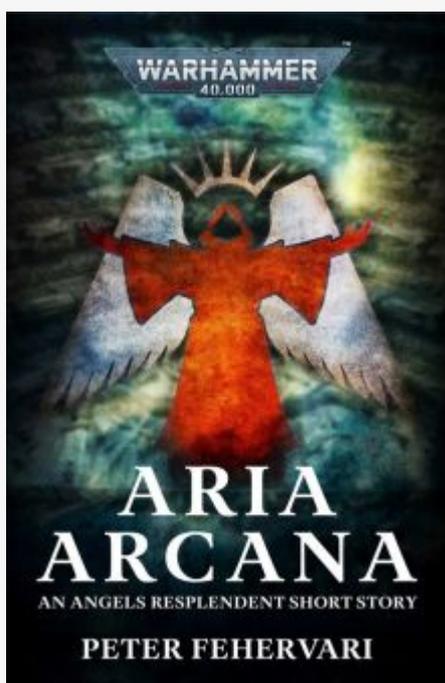

Ария потаенная / Aria Arcana (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Ария потаенная / Aria Arcana
(рассказ)

Автор	Петер Фехервари / Peter Fehervari
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Темный Клубок / Dark Coil
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

[1]

Яркие они были, но скованные тенями – измученные узами своей крови, слишком тугими, чтобы смертная плоть выдержала их без последствий равно пагубных и вечных.

«Тени Сияющие. Инфернальный реквием»

Старший хищник ворвался в небо, будто кошмар, извергнутый в явь. Взрыв на кружащих вихрях торнадо, зверь обозрел свои новые уголья множеством глаз, не испытывая ни удивления, ни любопытства. Его тело – плоский кожистый диск – колыхалось, вращаясь, и хвост тянулся за ним так, что казалось, будто тварь связана пуповиной с Морем Душ. Рядом летело немало её сородичей, также выдернутых в материум бурей, что бушевала в разных реальностях. В измерении, откуда пришли существа, водились куда более скверные создания, поэтому они инстинктивно собрались в неплотную стаю, надеясь, что сама их численность защитит их.

Удовлетворившись тем, что сейчас ему ничего не угрожает, вожак уступил своим главным побуждениям – голоду и необходимости утолить его. Хищник широко разинул пасть и втянул насыщенный варпом воздух, стремясь отыскать резкий запах добычи. Он уловил аромат съедобных душ, далекий, но явственный, и розовые складки на его шкуре затрепетали. Хрипло вскрикнув от нетерпения, тварь помчалась по принесенному ветром следу, ведя к его источнику менее расторопных собратьев.

Время здесь шло иначе, без хаотичных задержек и скачков, что сотрясали Море Душ. Оно текло ровнее и ощущалось таким же унылым, как и всё прочее в этих небесах, кроме невыносимо сладкого запаха жертвы. Тот означал, что стаю ждет пир более сытный и роскошный, чем когда-либо прежде...

Блестящий вертящийся диск, возникнув из ниоткуда, промчался перед вожак. Хотя все небесные хищники различались между собой, поскольку непостоянство лежало в основе их бытия, ни одна из особей не отклонялась от базовой формы настолько далеко, как этот кристаллический чужак. Старшая тварь зашипела, увидев в нем возможного соперника, но новоявленное существо почти сразу же унеслось прочь, волоча за собой полосу индигового света.

Ярость вожака рассеялась под натиском голода: он учуял, что струящийся из-под облаков аромат духовного мяса усилился. Забыв о конкуренте, зверь ринулся вниз, и сородичи последовали за ним. Навстречу им устремились семь стройных шпилей, расположенных идеальной окружностью, в центре которой находилась намного более массивная гора, чья вершина пылала белым сиянием, обжигавшим глаза старшего хищника. С внешним кольцом этот исполинский пик связывали дуги каменных мостов.

Вожака обуяло желание напасть на уязвляющий свет, однако он сдержался. Существо, выживавшее так долго, умело не бросаться на столь опасных врагов. Когда многие особи его стаи метнулись к сиянию, хищник отвернул в сторону и направился к лабиринту горящих берлог, что покрывали склоны горы. В проходах между ними толпились двуногие животные, объятые паникой, – высокие и тонкие, но сочные. Вид лакомства взбудоражил рассудок твари.

«Добыча!»

Издав пронзительный вопль, вожак спикировал на стадо и проложил в нем алую борозду, рассекая тела краем своей круглой туши. Шкура хищника покрылась пятнами крови и ошметками мяса, но по-настоящему он алкал душ, разбросанных среди осязаемых останков. Тварь носилась туда и обратно по проходу, всасывая в себя порхающих призраков. Сбитые с толку внезапной смертью, тени даже не успевали испугаться, погружаясь в еще более глубокое небытие.

Ненадолго утолив голод, древнее существо снова взмыло в небо. В челюстях оно сжимало извивающуюся жертву, которую хотело разгрызть не торопясь. Но блаженство вожака рассыпалось в прах: из дымки

перед ним вырвалась гигантская птица, громоздкое угловатое чудовище с одним стеклянистым глазом и неподвижными, загнутыми вниз крыльями. Выронив двуногого, хищник заложил вираж, и исполин промчался мимо него, изрыгая пламя из хвоста.

«Похититель добычи!»

Разъяренный присутствием еще одного соперника, кожистый диск устремился за непрошеным гостем. Опыненный душами, он не думал об осторожности – лишь о том, что эти изобильные земли должны принадлежать только ему.

Штурмовой корабль пронзал облака под рёв турбин, борющихся с напором поперечных воздушных течений. На скамьях, тянувшихся вдоль стен его транспортного отсека, сидели десять великанов, по пять с каждого борта. Они прижимали к груди оружие, а из динамиков в форме лепестков, что висели над головами бойцов, лились аккорды боевой арии. Беспокойная мелодия звучала в такт с ритмом, по которому непрерывно менялась окраска мерцающей брони пассажиров, принимавшей любые мыслимые цвета. Таинственная энергия, пропитавшая пластины доспехов, вела себя своенравно, однако всегда создавала изящные сочетания оттенков, подходящие их носителям. Все они, несомненно, – *непоколебимо* – ценили свою индивидуальность.

Каждый из воинов-искусников переделал свои латы с шиком и размахом, несовместимыми с уложениями большинства орденов Адептус Астартес. На их шлемах с пышно украшенными гребнями и лицевыми пластинами встречались как плюмажи, так и рельефные изображения благородных зверей, рыцарей или чего-то намного более оригинального. Каску одного великана венчала башня из изумрудных волн, другого – кисть руки с языками огня на кончиках пальцев. Три бойца носили вычурные гербовые накидки, тогда как с плеч их командира спадал плащ из багровых чешуй змееподобной твари, голова которой покрывала его шлем. Объединял пассажиров только символ на левом наплечнике их доспехов – крылатая фигура, что воздевала руки пред каким-то невидимым чудом.

Оглядывая своих братьев-по-своду, Игнасио Верлен ощутил прилив гордости. Хотя определенную независимость поощряли во всех Ангелах Сияющих, в подобные крайности дозволялось впадать только воинам Рапсодии Вечной, то есть Девятой роты капитула. Со времени преобразования братства они странствовали по Галактике в поисках всего возвышенного и великолепного. Направление им, как муза – поэту, указывало наитие их Рыцаря Образцового. Да, по такому пути шли и другие Рапсодии, но Вечная шагала отважнее всех.

«Так ли?..»

Беспощадная мысль расколола панцирь гордости Верлена, и в трещину неминуемо просочились сомнения. Ныне они никогда не отступали далеко.

«Просвещение связано с вдохновением, а не со здравомыслием, – подумал Игнасио. Беспокоясь, он неизменно обращался к мудрости “Свода сияющего”. – Искательство затмевает нахождение, равно как путешествие заключает в себе свою цель».

– Как внутри, так и снаружи, – твердо прошептал Игнасио.

Он благоговел перед кодексом своего ордена и наслаждался фразами-загадками, проникая в их суть с помощью особой пси-подготовки в Либрариусе Лучезарном, однако очень многое по-прежнему ускользало от него.

- Такова суть наших трудов, - однажды вразумил Верлена его наставник. Привычно улыбнувшись, Сатори добавил: - Даже я стою ближе к началу нашего странствия, чем к его окончанию.

Еще недавно подобные слова взволновали бы Игнасио - он считал бы, что завоевал доверие своего загадочного учителя. Теперь же Верлен задавался вопросом, не сказал ли ему Сатори лишь то, что он *хотел* услышать. Порой он подозревал, что старший библиарий Рапсодии Вечной полон фальши, что им сплетена сеть полуправд и откровенных выдумок, в которой запутались окружающие. Что все они, от нижайшего страдника ордена до самого Образцового Червантеса, стали его добровольными пешками. В особенности Варзивал, ведь именно его приказы определяли маршрут роты.

Нелояльное соображение, но Игнасио не мог его опровергнуть. Хотя в этот океанический храмовый мир, в сердце которого располагался неестественно правильный круг островов, воинов привел Червантес, решение за него принял Сатори. Рапсодия пробыла здесь почти два года, и бойцы, стоящие гарнизоном в одном из внешних пиков, понемногу теряли терпение, пока Варзивал предавался раздумьям, а старший библиарий что-то исследовал в одиночку.

И вот началась буря.

«Не ее ли ты ждал, Сатори?» - спросил себя Верлен, вспомнив, как воодушевился его наставник, когда стало известно о шторме.

Впрочем... нет, новость вызвала у древнего псайкера не совсем такую эмоцию. Игнасио не верил, что Сатори еще способен воодушевиться, если вообще когда-либо мог.

Воин, сидевший напротив, словно бы уловил сомнения Верлена.

- Какая у нас тут задача, брат Лучезарный? - поинтересовался он. - Почему мы кружим в небесах над гибнущим городом, будто стервятники?

Броня этого бойца неизменно расцветивалась в белесые тона, что указывало на его должность аптекаря. Доспехи Игнасио меняли окраску в пределах оттенков синего, как и полагалось библиарию. Такое относительное постоянство выделяло их как воинов-специалистов в составе братства.

- Я не могу сказать, - ответил Верлен, надеясь тем самым закрыть тему.

- Не можешь или не станешь?

Вокс-решетка, модулируя голос аптекаря Велено Фьоре, превращала его в глухое хрипловатое контральто. Забрало шлема выглядело как привлекательное лицо, составленное из двух разных половин. Одна улыбалась, другая хмурилась, и обе случайным образом краснели или чернели. Аптекарь утверждал, что его маска символизирует почтение к раненым, однако ему никто не верил. Велено, пусть и целитель по призванию, не ведал, что такое сострадание.

Игнасио не имел ни друзей, ни желания завести их, а во Фьоре он нашел кого-то вроде врага. Такая пара странно бы смотрелась на каком угодно задании, но Сатори настоял, что сейчас требуются они оба. Собственно, он лично подобрал всех бойцов отделения.

- Ты - питомец Сатори, - не отступал Велено. - Конечно же, он объяснил тебе *что-нибудь*?

Верлен представил, как аптекарь ухмыляется под забралом.

- Конечно же, он верит в тебя?

- Дело здесь не в вере, Фьоре.

«Разве?» - подумал Игнасио с горечью, удивившей его самого.

- Тогда просвети меня, брат. - Аптекарий подался вперед. - Что мы тут ищем?

- Ты поймешь, когда найдешь это, - ответил Сатори, когда Верлен задал ему тот же самый вопрос. - Только тебе хватит пронизательности, чтобы распознать такое откровение, Игнасио. - Наставник товарищески улыбнулся, как и предполагал его ученик. - И страсти, чтобы вцепиться в него.

- Или мы не братья на Зеркальном Пути? - льстиво добавил Фьоре.

- Довольно, аптекарий! - рявкнул свод-сержант Висконти, командующий отрядом. - Мы патрулируем небо, ибо так распорядился наш Образцовый. У него есть на то причины.

- «Образцовый»? - фыркнул Велено. - Ты правда веришь, что...?

Отсек сотрясся - в него врезалось нечто более увесистое, чем ветер. Музыка прервал тревожный сигнал, после чего раздался голос пилота:

- *Мы не одни над землей, братья,* - предупредил он из кабины. - *Небеса здесь кишат тварями.*

- Сколько там врагов? - уточнил Висконти с радостью в голосе.

Искусство и война занимали равное положение в натуре Ангелов Сияющих, к тому же Рапсодия Вечная уже подзабыла вкус битвы.

- *Точно не определить, свод-сержант,* - доложил летчик. - *Мой ауспик заполнен ложными сигналами. Готов поспорить, не меньше десятка.*

- Уклониться и истребить.

- *Так точно, свод-сержант!*

Пилот отключил связь, и музыка зазвучала вновь. Через пару секунд корпус завибрировал в унисон с приглушенным рокотом очередей из тяжелого оружия.

- Эпистолярый, послужи нам глазами, что видят незримое, - велел Висконти.

- Есть, свод-сержант, - отозвался Верлен, скрыв свою обеспокоенность. Он обладал могучим разумом, но опасался направлять свое сознание в бурю, пронизанную варпом.

«Оно там, Сатори? - беззвучно спросил Игнасио. - Это твоё откровение...»

Закрыв глаза, библиарий пробормотал мантру отсечения, чтобы ослабить цепи, приковывающие его дух к телесной оболочке. В следующий миг он оказался *снаружи* как корабля, так и самого себя. Паря среди стремительно несущихся туч, Верлен воззрелся на шторм ничем не стесненными глазами. На него обрушился вал противоречивых образов - виды перерождались в звуки утопали в запахах оборачивались

горько-сладкими и паляще-холодными и обрастали шипами шипучих ароматов мелодий ласкающих его вкус...

Душа Игнасио поперхнулась, потрясенная этим синестетическим беспорядком. Он осознал, что буря чудовищна, но также восхитительна, ибо в ней бурлит безграничный творческий потенциал. Если какой-нибудь мечтатель сумеет *орудовать* таким потоком ощущений, словно клинком или кистью – а еще лучше, тем и другим вместе, – тогда, безусловно...

«Нет! Подобная мечта поглотит мечтателя», – осудил себя Верлен.

Утвердив свой дух в непоколебимой материи корпуса, он сосредоточился на своей задаче и начал выискивать врагов на облачном пейзаже. За кораблем следовали существа, похожие на скатов, которые плыли по воздуху, извиваясь, будто океанские хищники. Их ауры выглядели как лиловые пятна голода.

«Варп-паразиты», – решил Игнасио.

Менее просвещенный наблюдатель мог бы назвать их «демонами», однако ученые мужи Сияющих презирали столь бессодержательные термины. Если ты достаточно прозорлив и упорен, то обнаружишь логику во всем и вся.

Одна из тварей ринулась к библиарию, несомненно, учуяв запах его обнаженной души. Автопушка на турели справа от Верлена повернулась и, открыв огонь, изрешетила хищника шквалом разрывных снарядов. К счастью, такие паразиты не были неуязвимыми для обычного оружия, но Игнасио встревожило то, как их много.

Далеко внизу он заметил сияние Светильника, что пробивалось через темные тучи, словно луч маяка.

«Какой у него источник?» – в который уже раз спросил себя Верлен.

Этот секрет охраняла Последняя Свеча, одна из маргинальных сект имперской Экклезиархии. Ее адепты утверждали, что там блистает священное пламя, тысячи лет назад зажженное их пророком в ознаменование милости Бога-Императора. С тех пор оно горело без перерыва, подпитываемое одной только верой... По крайней мере, так утверждали те, кто поклонялись свету. Смотреть на сам огонь разрешалось только наиболее благочестивым боевым сестрам секты.

«А ты видел его, Сатори? – подумал Игнасио. – Нашел, за какие ниточки их потянуть?»

Из облаков вылетел переливчатый кристаллический диск, который помчался прямо к эпистолярию. Вращаясь в вертикальном положении, как циркулярная пила, он проскользнул между всеми секторами обстрела штурмового корабля, то пропадая из виду, то возникая вновь. Там, где проносился диск, сам воздух *кричал* так, будто его резали.

Отшатнувшись в свое тело, Верлен что-то гаркнул, зная, что уже опоздал с предупреждением. Он вырвался из привязной системы и бросился в сторону за долю секунды до того, как диск пробил корпус у него за спиной. Брат Чимино, сидевший рядом с Игнасио, взревел: ему оторвало левую руку чуть ниже плеча. По телу раненого поползли потрескивающие разряды энергии, и его окутало голубоватое пламя, но оно испускало ледяной жар, и воин не сгорал, а колыхался в огне. Кровь, хлеставшая из обрубка, застыла наподобие абстрактной композиции из стекла.

Меж тем диск, наполовину утопленный в полу, прогрызал себе дорогу через отсек. Несколько бойцов выстрелили в неприятеля, однако их снаряды прошли насквозь и детонировали, попав в корпус.

«Он не полностью здесь», – ощутил Верлен. Зрелище зачаровало его, невзирая на опасность.

Пару мгновений спустя варп-тварь покинула челнок через стену напротив. По пути она рассекла надвое брата Удерцо. Следом в развороченный корпус ворвался завывающий ветер, который выбросил наружу останки воина, а с краев бреши, запятнанных порчей, взметнулись языки сапфирного пламени. Они потянулись к Фьоре, оказавшемуся ближе всех.

– Беги, брат! – рявкнул Игнасио, но аптекарий не послушался. Сидя у пробоины, Велено пристально смотрел, как неудержимый огонь ползет по его латным перчаткам.

Пока Верлен пытался уцепиться за что-нибудь, хвостовая часть отсека отвалилась и унесла с собой в бездну Гюйгенса и Рембо, все еще пристегнутых к скамьям. «Ария потаенная» по-прежнему звучала, но ее аккорды удлинились и лениво ползли, словно имитируя растянутые муки корабля. Вполне уместно, ведь они делили и название, и судьбу: согласно обычаю Рапсодии Вечной, музыку написали специально для этого транспортника. К каждой достойной машине привязывалась уникальная мелодия. Если первую уничтожали, вторая уходила следом, и больше никто ее не слышал.

«Ты отправил нас на погибель, Сатори», – рассудил Игнасио, потрясенный картиной разрушений.

Пламя распространялось быстро, обволакивая все, к чему прикасалось, но ничего не сжигало. Сержант Висконти что-то кричал, пока языки огня обвивали его ноги, однако Верлену не удавалось ничего разобрать.

Хотя отсек тряхнуло еще несколько раз, неминуемый финал так и не наступил.

«Мы уже давно должны были сгинуть», – оцепенев, осознал Игнасио. Корабль не мог не разрушиться после таких критических повреждений. Почему он не взорвался?

– Озарение, – произнес Фьоре шепотом, но музыка подхватила его слово и унесла ввысь, обратив в исступленный вопль. Аптекарий смотрел прямо на Верлена, и за пеленой пламени непохожие половины его забрала сливались воедино. – Озарение!

Что-то ударило по корпусу, и корабль вошел в бешеный штопор. Игнасио, не сумев удержаться, полетел к бреши. Кувыркаясь, он пронесся мимо Фьоре и выпал наружу, в яростный вихрь.

Тварь-вожак кружила возле вертящейся, пылающей туши угловатого исполина, опасаясь высшего хищника, который сразил его. Из раны во вращающемся трупe птицы что-то вывалилось – двуногое животное, похожее на добычу внизу, только более крупное и защищенное синим панцирем. На мгновение существо заподозрило ловушку, но затем учуяло запах души создания – неодолимо притягательный и насыщенный, сулящий пикантное пиршество. Издав пронзительный вой, чтобы отогнать сородичей, оно бросилось за трофеем в синеватой оболочке.

– Мы воспарим на пылающих крыльях! – прокричал Верлен в падении, не покоряясь ни року, ни буре.

Словно услышав это, к нему ринулся один из небесных скатов – огромный зверь с раззявленной пастью, которую окружали вертикально поставленные глаза. Врезавшись в него наподобие торпеды, тварь заглотила левую руку воина до подмышки и стиснула челюсти на наплечнике. Повиснув, будто рыба на крючке, Игнасио начал отмахиваться правым кулаком и бить монстра по глазам, пока тот тащил его

через облака.

С треском ожил вокс-динамик.

- Небо плачет звездами, что истекают бессонной ложью, - пропел Фьоре под аккомпанемент искаженных нот «Арии потаенной». Его голос как будто размножился, превратившись в хор помешанных. - Больные светила облучают рану, что кровоточит inferнально. Узри же девятеричные кандалы, удушающие...

Верлен отключил связь. Сейчас его заботило нечто более важное, чем речи безумца, обреченного на скорую гибель.

«Думай!» - призвал он себя, глядя, как на тактическом экране шлема вспыхивают красные тревожные значки. Хищник меж тем грыз зажатую руку воина, стараясь расколоть керамитовые пластины. Красочно выругавшись, Игнасио выдернул из кобуры болт-пистолет и ткнул стволом в один из глаз твари. На доспех брызнула маслянистая жижа, однако враг никак не отреагировал - то ли он не чувствовал боли, то ли впал в такое неистовство, что не обращал на нее внимания. Вдавлив оружие еще глубже, Верлен коснулся спускового крючка, но помедлил и всмотрелся в пронсящиеся мимо тучи. На какой он высоте?

«На слишком большой», - решил библиарий.

В лучшем случае он выживет после падения, однако получит такие серьезные раны, что все равно быстро погибнет: кто знает, какие чудовища рыскают по городу под ним? Даже если Игнасио сумеет убить нападавшего, это его не спасет.

- Невезение обернется удачной возможностью, если тебе достанет ума, - процитировал Верлен.

Уставившись в один из уцелевших глаз существа, воин оценил способности врага. Тот не принадлежал к материальному миру, но наверняка имел какое-то сознание, иначе не смог бы функционировать. А любой рассудок можно подчинить.

- Как внутри, так и снаружи! - провозгласил Игнасио, фокусируя свои мысли в копье из беспримесной воли.

Резко выдохнув, он метнул собственный дух внутрь непроницаемого черного глаза, чтобы отыскать скрытые за ним струны разума: Верлен сумел бы вцепиться в них и сыграть на них, словно музыкант на каком-нибудь инструменте. Зверь ощутил вторжение, и по Игнасио прошлись когтями его необузданные, отвратительно яркие эмоции. Хотя тварь не ведала никаких чувств, кроме ярости, голода и ненависти, воина почти ошеломило то, насколько они неистовы.

Или упоительны.

«Мы ошибались», - потрясенно осознал эписколярый.

Подобные особи не относились к какому-то редкому ответвлению живой природы. Нет, они принадлежали к совершенно иному уровню бытия - их порождали влечения самой души. Неупорядоченные, первозданные, *сверхъестественные* существа...

«Демоны», - признал Верлен.

Такой вывод встревожил его, но Игнасио не позволил себе отвлечься. Неважно, какова природа этого

отродья: оно все равно подчиняется неким механизмам. У него есть ключ, который можно повернуть.

Все сущее познаваемо, так учит «Свод сияющий». Несомненно, он применим и здесь?

Потeya здравомыслием, дух библиария попробовал углубиться в шипастую трясину, однако не нашел там ничего постигаемого, – и тем более осязаемого, – за что ему удалось бы ухватиться. Невероятно!

Монстр взбрыкивал и вертелся в небе, стараясь вытолкнуть волю Верлена, но даже не помышлял о том, чтобы разжать пасть и уронить его. Инстинкт не позволил бы хищнику поступить так.

«Покорись! – требовал Игнасио. – Ты... покоришься».

Миг спустя в разум воина хлынул поток нездешних ощущений, и он безгласно завопил. Облачная панорама разверзлась перед ним, преобразившись в калейдоскопический вихрь: теперь эпистолярый смотрел множеством глаз твари. Он встретился взглядом с самим собой – точнее, увидел свое золотое забрало, выполненное в форме солнца с пятью руками. Он почувствовал, как сжимает в зубах собственное плечо – загадку под панцирем, которая щедро одарит его, если ее получится раскусить. Он испытал голод-вождеделение, подгонявшее этого хищника, побуждавшее его стиснуть челюсти крепче.

Крепче!

Верлен отчаянно боролся с приливом диких – *адских* – порывов, грозивших затопить его. Библиарий осознал, что демон применяет его же тактику против него самого. Проникает в разум воина, повинувшись обычному чутью. Так начинается *одержимость*...

– Ни за что! – прорычал Игнасио и, высвободившись, мгновенно вернулся в свое тело.

Рассвирепев от непокорности добычи, тварь устремилась вниз, снижаясь почти под прямым углом к земле. Тучи проносились мимо них испещренной молниями лавиной, что распевала дрожащими ароматами. Как бодряще! Никогда прежде Верлен не чувствовал чего-то столь *настоящего*. Его прежнее бытие в сравнении с этим казалось блеклым сном – концепцией цвета в голове слепца, основанной на бессвязных речах глупца. Эпистолярию отчасти хотелось прекратить сопротивление и поддаться демону, пока не угасла позаимствованная у него трансцендентность. Ведь тут еще столько всего можно увидеть!

«Нет, – предостерегла его бесстрастная мысль. – Тебе еще нужно пройти намного дальше. Глубже».

Игнасио нахмурился.

– Кто...

Они неожиданно вырвались из облаков, продолжая мчаться к поверхности на такой скорости, что при падении их тела разбились бы в лепешку. Но затем, поразительно плавно извернувшись, демон вышел из пике и ринулся ввысь. Собрав волю в зазубренный хлыст презрения, Верлен стегнул им неприятеля. Туша твари затряслась в конвульсиях, ее полет вверх сменился дерганой пляской в воздухе.

Яростно заверещав, вожак рванулся прочь от создания в синем панцире, пытавшегося покорить его. Взмыв над землей, он возвратился в убежище среди облаков и завертелся там, наслаждаясь свободой. Теперь надо сильнее остерегаться этого странного океана и существ, которые...

Послышался резкий визг. Затем хищник ощутил вспышку мучительной боли и понял, что падает, глядя на мир сразу из двух точек, что отдаляются друг от друга, кувыркаясь вниз. Обе половины тела видели, как блистающий диск, рассекший его надвое, уносится прочь, став неоспоримым хозяином небес. Вожак попробовал непокорно закричать, но его разрубленная пасть уже не годилась для этого.

Хотя неровные куски туши развеялись дымкой до того, как рухнули бы на крыши зданий, злоба демона не угасала еще долго.

«267... 268... 269...»

Красные числа прожигали тьму, равномерно увеличиваясь, и каждое изменение отзывалось болезненным прострелом в черепе Игнасио.

«270... 271...»

Он сообразил, что смотрит на тревожный счетчик забытья, встроенный в шлем. В тех редких случаях, когда брат-по-своду терял сознание на поле битвы, такое устройство отсчитывало прошедшее время и старалось пробудить воина, стимулируя разрядами нервную систему.

«Четыре минуты и тридцать одна секунда», – подсчитал Верлен, отключив систему. Целая вечность в боевых условиях. Сколь долгим вышло его падение? Хотя нет... Нет, это не имеет значения.

«Шевелись!»

Не слушая возражений пострадавшего тела, Игнасио одним движением поднялся в низкую стойку и огляделся по сторонам. Он находился на какой-то плоской крыше, с которой открывался вид на улицу, идущую между высоких строений с мраморной облицовкой. Судя по изысканным домам, Верлен попал в верхние районы города, где селились люди среднего положения в секте. Правда, улицы пустовали – очевидно, жители бежали от бури.

«Грядет нечто худшее», – рассудил библиарий, посмотрев над крышами на торнадо, что вращалось на горизонте. Колоссальный ураган служил сердцевиной шторма.

Впервые Игнасио увидел его из крепости своей Рапсодии, но тогда вихрь имел серовато-синий цвет, а теперь стал тошнотворно-зеленым с желтыми пятнами, как будто... заболел.

«Может, так и есть, – мрачно подумал Верлен. – Или же он несет в себе более тяжкую хворь».

Повернувшись, воин заметил путеводный свет, более крупный и яркий, чем когда-либо на его памяти. Значит, он недалеко от вершины горы и собора, венчающего ее.

«Часовой переход», – рассчитал Игнасио.

Если бежать, он доберется быстрее, но это неразумно. Данные биомониторов указывали, что у него разорвано несколько внутренних органов, а также есть трещины в костях, включая длинный разлом реберной пластины. Левая рука плетью висела вдоль тела, броня над ней смялась под челюстями демона. В целом, Верлен не сомневался, что устоит на ногах, однако бег может навредить ему.

«Тогда не будем спешить», – решил библиарий.

Он тщательно изучил улицу внизу с помощью тепловых сенсоров, ища скрытые угрозы в темных дверных

проемах, но ничего не нашел. Удовлетворившись этим, Игнасио вызвал штормовой корабль.

- Отделение «Мифодея», говорит Верлен, - передал он. - Как слышите меня, братья?

Вместо ответа раздалось шипение белого шума. Воин попробовал снова, ведомый скорее чувством долга, чем надеждой. На сей раз он уловил какой-то ритмичный шепот, однако тот умолк до того, как Игнасио сумел что-либо разобрать. Возможно, ему вообще почудилось. Восприятие библиария все еще не восстановилось после падения и более серьезного удара - мысленного единения с тварью из варпа.

«Я поборол демона», - подумал Верлен с гордостью, но и со стыдом, поскольку до сих пор чувствовал отголоски желаний хищника. Он испытывал *голод*... Вернее, ему хотелось пожираться.

Насупившись, Игнасио вновь посмотрел на свет. Тот блистал неоспоримой красотой, однако же отвращал его. Хотя воин никогда не доверял этому сиянию, такого омерзения он прежде не ощущал. Может, дело в том, что Верлен впервые оказался так близко к собору? Бойцы Рапсодии редко бывали в городе и нечасто вели дела с его жителями.

«Все, кроме Сатори», - вспомнил он.

Старший библиарий поддерживал тесные связи с богословами из Последней Свечи, хотя с пренебрежением относился к имперской религии. Что же это говорит о секте? Неужели за ее благочестивыми писаниями скрывается нечто потаенное?

«Так вот что я должен найти здесь, Сатори? - задался вопросом Игнасио. - Тьму позади света?»

Приняв решение, Верлен прикинул расстояние до улицы под ним. Метров пятнадцать-двадцать... Мелочь по сравнению с высотой, с которой он недавно упал, и неопасный прыжок для космодесантника в доспехах, однако с такими травмами ему стоило бы спуститься через здание.

«Спешка сулит скверную судьбу», как уведомляет «Свод сияющий».

Игнасио взглянул на торнадо, нависшее над городом.

- Времени мало, - буркнул он и прыгнул.

«Мы снижаемся на истерзанных крыльях».

Однажды так сказал Сатори, а потом уклонился от прямого ответа, когда Верлен спросил его о смысле фразы. Наставник много раз поступал так в прежние годы. Почему это не затронуло тревожные струны в душе ученика гораздо раньше?

«Потому что я благоговел перед ним, - признался Игнасио, падая. - Хотел стать таким, как он».

Рухнув на мостовую, воин раздробил покрытие. Его броня смягчила удар, но расколотые половины реберной пластины заскрежетали друг о друга, отчего Верлен пошатнулся и упал на колени. Терзаемый жуткой болью, он заставил себя подняться и забыть о муках. Страдания могут принести пользу, однако он ничего не добьется, если уделит им внимание сейчас...

Игнасио замер. Дальше по улице, примерно в двадцати шагах впереди, стоял и смотрел на него большой пес.

«Нет, – понял библиарий. – Не пес».

Просто что-то *напоминающее* собаку. У животных этого вида гораздо меньше ног и суставов, чем у зверя перед ним. Ничего схожего.

«Еще один демон», – рассудил Верлен.

Он выпрямился во весь рост, и тварь зашипела. Свой болт-пистолет Игнасио потерял в воздушной схватке, но у него сохранилось намного более мощное оружие.

– Ну, давай, – с вызовом произнес воин, добавив к словам пси-нотку презрения. Пес-монстр направился к нему, затем помедлил и принялся скрести лапой дорогу. – Давай!

Верлен оскалил зубы под забралом и сам удивился своему воодушевлению. Заскулив, демон бросился прочь. На бегу он больше напоминал какое-то насекомое, чем собаку, а сзади у него болтался хвост, похожий на человеческую руку без костей.

«А какова подобная добыча на вкус?» – задумался Игнасио, и из уголка рта у него поползла ниточка слюны.

С омерзением растоптав эту мысль, библиарий снова осмотрел улицу. Убедившись, что шум от его приземления больше никого не привлек, Верлен порадовался этому – ему понадобятся все оставшиеся силы, чтобы добраться до собора. Больше идти некуда. Если он попробует вернуться в бастион Рапсодии Вечной, то не сумеет обогнать торнадо, а укрываться от вихря бесполезно. Нечто в крови воина говорило ему, что ни один уголок горы не спасется от заражения, несомого варп-ураганом.

– Пусть так, – проворчал он, впери́в взор в отталкивающий свет наверху.

Дул ветер, и мощный ливень барабанил по склонам, сражаясь с синим огнем, который расплзался по улицам. Как и пожар, охвативший штурмовой корабль, фантомное пламя обволакивало все, но не сжигало ничего. Возможно, его языки горели в другом измерении или в ином слое времени. Допустимо, что Игнасио видел даже не огонь, а какой-нибудь эфирный сорняк или метафизическую инфекцию. Он уже перестал интересоваться пламенем, как и всеми прочими аномалиями, увиденными им по дороге через обреченный город. Странствие продолжалось гораздо дольше, чем предполагал Верлен в начале пути: казалось, он идет уже несколько часов, постоянно поднимаясь к вершине и не теряя свет из виду, однако не приближается к нему.

«Возможно, буря наделила улицы жизнью, – подумал воин. – И от потрясения они стали злобными».

Повернув за угол, Игнасио заметил, что в его сторону движется процессия из трупов. Возглавлял их человек, ростом и статью похожий на космодесантника, но полностью обнаженный, если не считать набедренной повязки и ленты на глазах, из-под которой струился дым. Если изувеченные тела мертвецов вздувались от разложения, то алебастровая кожа их вождя выглядела безупречно чистой. Впрочем, когда он подошел ближе, Верлен понял, что из его глазниц выползают мухи. Их крупные родичи – огромные чудища, покрытые хитином, – парили над шествием и с гулким жужжанием носились вдоль колонны, как будто выпасали проклятых.

Отступив, эпистолярый присел за грудой обломков и подождал, пока трупы не минуют перекресток. Игнасио чувствовал, что они тоже стремятся к свету, однако идти за ними бессмысленно: у мертвецов

совершенно иная дорога и место назначения. Как ни несуразно звучала такая догадка, Верлен не мог отвергнуть ее.

- Я что, теряю рассудок? - пробормотал он.

Затем спросил себя, имеет ли это теперь какое-то значение.

Позже, когда Игнасио пересекал какой-то внутренний двор, где рыскали бестелесные вопли, его вдруг внезапно ожил. Из динамика полилась музыка, искаженная помехами, но он сразу же узнал в ней «Арию потаенную». Мелодию сопровождал голос, воспаленный и возбужденный, говорящий нараспев:

- ...породит Пустоту и отменит все, что было и могло быть, однажды и навсегда, до того и во веки веков, ибо как снаружи, так и...

- Фьоре? - перебил Верлен. Голос умолк. - Ты слышишь меня, аптекарий?

- Брат... Лучезарный...

Слова прозвучали как вздох.

- Да, брат! Доложи обстановку! Еще кто-нибудь выжил в катастрофе?

- В катастрофе... - эхом отозвался Велено.

- Наш корабль, аптекарий, - подсказал Игнасио. - Где он упал?

- Упал? Нет, мы все еще здесь. Всегда... здесь.

- Все еще в воздухе? - нахмурился Верлен.

- Вне круга лжи, - ответил аптекарий и снова заговорил нараспев: - *Внутри круга неумирающих. Не связаны ни с каким местом или временем, ни со слепящим ритмом, ни с переменчивым смыслом, ни с вероломным разумом.*

- Фьоре, свод-сержант с тобой?

- О, мы все тут... в некотором роде. Даже дорогой брат Удерцо.

- Удерцо мертв, - возразил Игнасио, вспомнив жуткую гибель товарища.

- Мертв и возрожден в разделенном единении, - промурлыкал Фьоре. - Мы потеряли то, что когда-то воображалось, и обнаружили, что нас не хватает: одних больше, чем других, но каждый сыграет свою роль в последнем передвижении фигур.

Вздох... или легкий смешок?

- Именно так, как задумал Сатори.

- Сатори?

- Естественно, брат Лучезарный! Но тебе уже все это известно, ведь ты тоже здесь. Вечный любимчик старого паука! - Еще один неразборчивый вздох-усмешка. - Пока ему не попадет на глаза новая яркая кошка.

Музыка достигла крещендо в тот же миг, как над Верленом с воем промчался сверкающий диск, летящий почти у самых крыш.

- Совпадений не бывает, - пробормотал воин, глядя, как кристаллический демон пропадает в свете собора.

Когда-то Сатори открыто делился этой фразой - произносил ее с таким серьезным видом, словно разглашал некую ужасную тайну. Раньше она казалась банальным высказыванием, но то было до...

«До чего?»

- До бури, - ответил себе эпистолярый.

До того, как он вкусил души демона и прошагал по разбухшим сосудам искаженного города, что с самого начала замыслил для него наставник. Подобные откровения невозможно объяснить или показать. Их нужно *прожить*, миг за жестоким мигом. Но почему?

Хотя вокс замолчал, Верлен не собирался тревожить его. Живы его братья или мертвы, они уже потеряны для воина.

«999999».

Вспыхивающие цифры вывели сомнамбулу из забытья. Правда, они уже давно светились на дисплее, застыв на максимальном значении, поэтому, вероятно, его пробудило что-то иное, но уж точно не уколы нейроразрядов, связанные с отсчетом. Очнувшийся Игнасио почти не ощущал их сквозь завесу боли и голода.

«Одиннадцать дней», - подсчитал он, глядя на число.

Данные на его хроне оказались еще менее осмысленными. Устройство отсчитывало время *назад*.

- Невозможно, - прошептал Верлен, зная, что это не так.

Здесь не действовали законы природы, иначе его слабеющее тело уже давно впало бы в кому. Сколь долгий путь он прошел по непостоянным улицам, пока его разум дремал?

Игнасио тряхнул головой. Неважно, ведь он наконец достиг вершины. Перед ним простиралась каменные ступени, что вели к ряду колонн с желобками, уходящих за облака. В промежутках между ними сиял свет, теперь уже дразняще близкий.

То, что это место ничем не походило на собор, который Верлен видел в пикт-роликах, совсем не удивило его.

- Удел отражает искателя, - рассудил он, начиная последнее восхождение.

- Я верю, что реальность порой изнашивается, Игнасио, - по секрету поведал ему Сатори вскоре после их прибытия на эту непокойную планету. - Или даже расплетается, если ее общепринятый вариант растянут мечты, ставшие слишком вещественными. - Тогда древний светлоглазый псайкер улыбнулся с неожиданной и, возможно даже, искренней грустью. - К такому разладу нужно готовиться. Вот в чем

мое истинное призвание. Ты понимаешь, брат?

- Да, - торжественно ответил Верлен, лишь воображая, что понимает.

Но теперь он постиг эту идею, хотя бы отчасти. А все остальное находилось впереди, всего в паре сотен шагов.

Умиравший воин шумно втягивал воздух, когда дошел до вершины лестницы, но не задержался там, чтобы отдохнуть. Даже секундное промедление могло лишить его победы, добытой тяжким трудом. Когда он прошел между столпами, мир всколыхнулся, словно Игнасио преодолел какой-то невыразимый, но крайне важный барьер.

«Как внутри, так и снаружи».

За колоннами его ждала площадь, выложенная переплетающимися спиралями из стеклянных плиток синего и розового цветов. Тысячи пропавших жителей города собрались здесь, будто мотыльки, привлеченные светом. Их с геометрической точностью разместили вдоль розовых извивов. Кажется, тут встречались люди любых возрастов и занятий, но их объединяла некая общая цель: все они стояли в полной неподвижности и безмолвии, воздев руки и обратив лица к небу. Верлен подавил желание посмотреть туда же, хотя и не вполне сообразил, почему. Разве он пришел сюда не ради откровения?

- Еще рано, - буркнул Игнасио, ковыляя вперед.

Участники ритуала не обращали на него внимания, пока он пробирался через внешние ряды. Вероятно, они настолько углубились в размышления, что не замечали библиария. Горожане сохраняли ту же позу, что и фигура в рясе, украшавшая левый наплечник воина - она изображала Ксёрена Кастанеду, зодчего духовного перестроения его ордена.

И, как полагал Верлен, отнюдь не случайно. Само это место, этот момент и эта *композиция* воплощали собой извращенный порядок.

Шагая дальше, он увидел, что спирали сходятся в центре площади, у кристаллического возвышения. Оно имело форму... *диска*. Игнасио понял, что перед ним не помост, а тот самый объект, который напал на его отделение. Диск парил менее чем в метре над землей.

- Совпадений не бывает, - прохрипел Верлен, впервые прочувствовав суть фразы.

Библиарий попытался разжечь в себе гнев, но тот остыл до вялой неприязни, которая слабела с каждым шагом, как и голод, прежде терзавший его. Сохранилось только любопытство, пылавшее столь же ярко, как и луч, испускаемый верхней стороной диска.

«Нет, - осознал Игнасио. - Он не испускает, а отражает».

Объект отбрасывал путеводный свет в небо, преображая его: изначально чисто-белое сияние приобретало синеватый оттенок. Что же, диск укреплял или отравлял поток сияния?

Подходя к объекту, Верлен заметил, что его почитатели становятся менее обычными - несомненно, сама близость к свету благословляла их. Плоть людей трансформировалась в белый кристалл, хотя их одеяния и волосы не изменились. По их лицам протянулись тонкие серебряные нити, а ноги разделились на стеклянистые корни, сросшиеся с плитками покрытия. Из их ртов доносилось ритмичное гудение,

кажущееся особенно громким из-за множества источников.

«Это рабство или гармония?» – задумался Игнасио, миновав дородного пастыря, чье лицо застыло в гримасе удивления. Следующей молельщицей оказалась женщина в броне – ее болтер лежал среди перепутанных корней-ног, отринутый вместе с прежней верой. Возможно, она втайне жаждала такого апофеоза?

Еще через пару шагов двойные сердца Верлена начали биться в такт гимну, издаваемому паствой. Хотя его тело уловило мелодию, она ускользала от разума, держась неподалеку, но оставаясь недостижимой.

«Сатори расшифровал бы напев!» – пожурил себя библиарий.

Опять же, вероятно, что Сатори *написал* эту музыку... Впрочем, даже такая мысль не пробудила в воине гнев. Если наставник сумел подстроить вечное проклятие – или вознесение? – города, значит, он намного могущественнее, чем когда-либо представлял его ученик. Подобный разум не подлежит порицанию.

+Ты переоцениваешь мои способности, Игнасио,+ ответил на его мысль знакомый голос. +Эта буря не моя, как и желания, породившие ее, хотя я проанализировал ее маршрут и вероятные последствия.+

- Мастер Сатори, – прошептал Верлен вслух, хотя в том не было надобности. – Где ты?

+Вдалеке, но и с тобой,+ отозвался его повелитель. +Перед вашим отбытием я привязал свое сознание к твоему. Ты послужил мне глазами в этой круговерти, брат. Но ты должен пройти дальше – в ее сердце.+

«А если я откажусь, ты принудишь меня?» – задался вопросом эпистолярый.

Сатори наверняка услышал его, но промолчал. Наставнику и не требовалось отвечать, ведь его ученик уже зашел так далеко, что не сумел бы вернуться, даже если бы захотел.

+Тебя не ждет смерть, Игнасио,+ сообщил Сатори. +Разве что изредка. В большинстве конфигураций сплетения ты выживешь, как и твои братья. Вы будете сберегаться на нужном подуровне, пока в вас не возникнет нужда.+ Последовала пауза, преисполненная значимости. +Вы переродитесь в огне душ – станете новой Рапсодией, которая затмит все прочие.+

«И я возглавлю ее?» – уточнил Верлен, замороженный, несмотря на свои опасения.

+Ты будешь ее вестником,+ уклончиво заявил наставник. +Для этого тебе хватит интеллекта, Игнасио. И увлеченности.+

Эпистолярый замер в паре шагов от диска, обдумывая выбор, который ему не предоставили.

- На благо ли все это «Своду сияющему»? – наконец спросил он. – На благо ли это человечеству?

+Неизменно+.

- Такова жизнь, – шепнул Игнасио, принимая свой удел сначала со вздохом, затем с рвением. Он снял и отбросил шлем, чтобы ничего не отделяло его глаза от света.

+Такова жизнь,+ повторил Сатори, когда его пешка вступила на диск и превратилась в рыцаря.

«Покажи мне!» – беззвучно взмолился Верлен, воздев здоровую руку. Сломанная конечность поднялась следом, исцеленная по его желанию. Свирепо улыбаясь, воин обратил лицо к ждущему его свету

наверху... и внизу... и внутри, и снаружи...

Сияние расплелось вихрем эмоций, обнажив искристую, непрерывно меняющуюся сеть лучей, сплетенную в черной пустоте. Она наполнилась преображениями и возможностями столь же бесчисленными, как и блистающие диски, что сновали по ее прядям. Там содержался каждый ответ, достойный того, чтобы вцепиться в него, насладиться им и превознести его, но все они лгали, ибо выросли из семян обманных вопросов, отравленных надеждами и алканиями тех, кто задавал их.

Игнасио понимал, насколько все это бесцельно, но не прекращал смотреть.

Или вожделеть.

- Там больно от звезд^[2], - выдохнул Верлен, когда диск начал подниматься, унося его в рану между измерениями, где он воссоединится с братьями. Игнасио уже слышал песнь их корабля, хотя и не ту, которую знал прежде. Чтобы исполнить столь замысловатую мелодию, не подошли бы никакие материальные руки.

- Рапсодия Потаенная, - проговорил воин, отыскав в музыке название своей будущей когорты.

Он содрогнулся, осознав сокрытый в ней потенциал и мощь тех, кто однажды понесет ее послание обратно в Серое бытие. Кровь Игнасио затанцевала в ритме великолепного гимна, распаяя неудержимый огонь творчества в его плоти. По доспеху эпистолярия пробежали волны эфемерных разумных цветов - броня меняла форму, подстраиваясь под очертания новой фигуры своего носителя.

+Никогда не забывай себя, Зодчий Лучезарный,+ предупредил Сатори. Связь между ними разрывалась, ведь теперь их разделяло расстояние, измеряемое только мечтами. +Как и того, за что ты стоишь.+

С псионическим треском он исчез.

- **Никогда**, - поклялся сияющий вестник, говоря множеством зеркальных ртов. - **Мы восплаем вознесенными!**

Расправив крылья из лазурного пламени, создание взмыло с круглого насеста и унеслось в эмпиреи.

1. «Группа двинулась колонной по одному. Возглавлял шествие Тайт, вооруженный мечом и плазменным пистолетом Харуки. В арьергарде шла Индрик. Сверкающий пейзаж снаружи менялся всякий раз, когда Иона выглядывал в новое окно. Однажды он заметил остов вместилища катера, запутавшийся в паутине. Несмотря на серьезные повреждения челнока, по искореженным орудиям Тайт определил в нем боевой корабль. Прищурившись, он рассмотрел эмблему на корпусе: создание в рясе, которое воздевало руки, словно пыталось поймать ответ, теперь обреченный навсегда остаться недостижимым. А может, и нет... "Это и есть то, что ты искал?" - спросил себя Иона. Его спутницы ничего не сказали о разбитом катере - вполне вероятно, потому, что вообще не видели обломков. Возможно, каждый замечал в паутине что-то свое: разные места или даже другие времена». - "Инфернальный реквием".
2. It's full of scars ("It's full of stars!", «Космическая одиссея-2001»)

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ария_потаенная/_Aria_Arcana_\(рассказ\)&oldid=21910](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ария_потаенная/_Aria_Arcana_(рассказ)&oldid=21910)